

Письма о христианском Римѣ.

Письмо третье. Въ катакомбахъ св. Каллиста.

Чтобы попасть въ катакомбы св. Каллиста нужно идти почти той же самой дорогой, которой первохристиане, почтутайкомъ, унесли святыхъ тѣла новопрославившихся мучениковъ изъ окровавленнаго Коллизея. Оставивъ за собой грандіозный каменный овалъ амфитеатра Флавіевъ и пройдя мимо огромной и тяжеловатой триумфальной арки Константина, Вы нѣсколько минутъ идете по широкой и пустынной *via di S. Gregorio*. Справа, за ажурной рѣшеткой, подстучаетъ вѣчно-зеленый Палатинъ—самая большая панорамная красота Рима: слѣва—запущенный и заброшенный Целій, ревниво хранящій въ нѣдрахъ своихъ, еще не тронутыхъ археологами, много каменныхъ и бронзовыхъ остатковъ самаго блестящаго періода императорскаго Рима. Немного не доходя до столь прекрасныхъ въ своей печальной оставленности мрачно-монументальныхъ массивовъ Каракаллѣскихъ термъ, передъ которыми Италия нашихъ дней раскидываетъ огромный скверъ и тѣмъ спасаетъ ихъ отъ натиска современнаго Города, этого цивилизованнаго чудовища, все болѣе и болѣе пожирающаго всю красоту и славу былыхъ, болѣе *высокихъ эпохъ*,—Вы сворачиваете направо и скоро достигаете полуразрушенной арки Друза, за которой высятся Аврелианскія стѣны, и черезъ ворота св. *Себастіана* выходите на старую Аппіеву дорогу. Эта дорога *тройной прекрасна*, ибо ее осѣнила и на ней почиваетъ тройная слава: по ней столько разъ ходили съ своими гордыми знаменами объединители языческаго міра—славные римскіе легіоны; съ обѣихъ сторонъ ея, съ тонкой изысканной мѣрой и тщатель-

ностью, распростерла Природа свои прозрачныя дали, и свои сверкающія убранства; и по ней же прошли святаго стопы благовѣстника домірной славы Христа апостола Павла, шедшаго въ 61 г. по этой дорогѣ на судилище Кесаря и дошедшаго по ней первую всемірно-историческую волну новаго Царства, основаннаго на далекомъ Востокѣ.

Погруженные въ прошлое, Вы какъ-то не замѣчаете маленькой церковки *Quo vadis?* съ плоскимъ бароккианскимъ фасадомъ—стоящей въ томъ мѣстѣ, гдѣ по преданію св. апостолъ Петръ, уходящій отъ мученическаго жребія изъ Рима, былъ остановленъ Спасителемъ. Эта церковь похожа на романъ Сенкевича, такая же убогая, такая же далекая отъ простой и глубокой правды первохристіанства. Еще не выйдя на просторы Кампаньи изъ стѣнъ, окаймляющихъ первыя мили Аппіевой дороги, Вы уже видите завѣтный номеръ, указанный въ путеводителяхъ и входите въ маленькую дверку. Впечатлѣніе странное. Кипарисовая аллея, цвѣты, грядки и мѣстами взрытая розоватая земля Кампаньи. После города всегда хочется цѣловать землю, но теперь Вы недоумеваете—гдѣ катакомбы? Какой-то полевой „человѣчекъ“ возившійся надъ грядою и не замѣченный Вами, говоритъ, что нужно идти дальше. И въ самомъ дѣлѣ, пройдя аллею, Вы видите толпу празднично-одѣтыхъ иностранцевъ, которая вдругъ исчезаетъ. Я только потому понялъ счастье, выпавшее намъ. Главный „возкатый“, пересыпающій свои объясненія шутками и остротами (какъ я потомъ самъ увидѣлъ) уже увелъ иностранцевъ, и одинъ изъ траппистовъ, въ вѣдѣніи которыхъ находятся катакомбы св. Каллиста, подошелъ къ намъ и рѣшилъ насъ вести однихъ. Тутъ, признаюсь, я забылъ всякую археологію, всякую исторію, всякое богословіе. Едва мы вошли въ тѣму катакомбы, вдругъ нахлынуло чувство радостное, умиленное, благоговѣйное. ноги сами собой опустились, и я, въ несказанномъ восторгѣ, сталъ цѣловать камни и землю и плакать обильными, облегченными, освобождающими слезами. Сбылось то, что я предчувствовалъ по далекимъ книжнымъ вѣстямъ. Безмолвная, почти нѣмая тайна первохристіанства вдругъ безмолвно и нѣмо открылась сердцу, и самая „суть“ катакомбъ стала такой близкой, такой понятной, такой родной. Я веѣмъ существомъ ощутить миръ, миръ превосходящій всякое разумѣніе, миръ.

который благодатными волнами бить въ мою душу изъ этой массы безвѣстныхъ, смиренныхъ могилъ. Близкіе останки ребенка такимъ побѣднымъ увѣреніемъ говорили, что итъ смерти, итъ печали и въздыханія, есть одна непримѣная, безпредѣльная радость. Въ то время какъ монахъ далеко впереди давалъ объясненіе моимъ спутникамъ, я шелъ сзади, и нѣмое чувство мое стало находить разумныя „внутреннія слова“. Массы божественно-идиллическихъ чертъ, которыми полна древняя христіанская письменность, приплыли мнѣ на память и все синтезировались въ словахъ Минуція Феликса: „Мы ожидаемъ весны нашего тѣла“. Итъ слово, которыя бы лучше передавали впечатлѣніе отъ ликующей тишины, отъ умопостигаемаго покоя, отъ безпредѣльной умирности первохристіанскаго кладбища. Здѣсь тѣла лежатъ, какъ пшеница подъ зимнимъ саваномъ, ожадая, предваряя, пророчествуя нездѣлную, виѣмрную весну Вѣчности. Первые христіане знали какую-то особую гармонию религіознаго чувства, на нихъ почить какой-то особый лучъ домірной божественной славы. Они были свидѣтелями и участниками кратковременнаго благодатнаго абсолютнаго мира между Землей и Небомъ. Въ ихъ краткихъ, обрывочныхъ надписяхъ, въ ихъ младенчески-чистой символикѣ, въ ихъ простыхъ и глубокихъ видѣніяхъ сквозитъ тайна постигнутой, свершенной и раздѣленной Обрученности. Потомъ вошли въ силу слова: „Истинно, истинно говорю вамъ: если зерно падши въ землю не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода“. И гармонія первохристіанства должна была умереть въ пустыняхъ христіанскаго подвига, и таинственное единство Неба и Земли, возвѣщенное христіанствомъ, чтобы принести вѣчный и безмѣрный плодъ свой при концѣ міра, должно было трансформироваться въ свое другое—въ непримиримую борьбу монашества съ міромъ, духа съ плотью, неба съ землею. Но какъ, почти цѣлые три вѣка, посвященное Слово зерно сохраняло свой первоначальный обликъ, лежало „одно“, пребывало, какъ истинный даръ Божій, какъ безпредѣльное чистое счастье! Все нечистое человѣческое сгорало въ вольномъ и свѣтломъ порывѣ къ жертвѣ, въ вольной устремленности къ мученичеству, въ постоянной готовности пострадать за имя Христово. Отсюда—необходимый ритуализмъ первохристіанства,

заражавшіи однихъ—до мгновеннаго обращенія, озлоблявшіи другихъ—до полнаго озвѣрженія. Историки часто спорятъ о причинахъ гоненій. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, большинство гоненій начиналось непроизвольно. Христіанъ ненавидѣли не столько правители, сколько народъ. Это—психологическая загадка и историческій фактъ. Значить, было что-то особое въ христіаняхъ, что возбуждало и беспокоило. Они были коррективнѣйшими членами государства и мирными людьми. Но, въ то же время, они горѣли энтузіазмомъ, шлали тайной примиренія съ Небомъ, тайной новыхъ обѣтованій. И это неожиданно вызывало дикія вспышки народнаго гнѣва.

Первые христіане любили цвѣты. „Кто можетъ подумать, что мы пренебрегаемъ цвѣтами, говоритъ Октавій у Минуція Феликса, которымъ дарить намъ весна, когда мы срываемъ розы и лиліи и всѣ другіе цвѣты пріятнаго цвѣта и запаха? Ихъ мы разставляемъ передъ собой. Изъ нихъ слетаемъ себѣ вѣнки на головы“. По вѣншей видимости, эта любовь къ цвѣтамъ—такъ у язычниковъ. Но, на самомъ дѣлѣ, эти вѣнки изъ цвѣтовъ сливались въ первохристіанскомъ сознаніи съ вѣнками мученическими. Отъ этихъ вѣнцовъ нѣтъ возврата къ язычеству, и—прямой переходъ къ добровольному внутреннему мученичеству аскетовъ и пустынниковъ. Нѣкоторые, обманутые внѣшностью, не замѣчаютъ невидимой пропасти, раздѣляющей христіанство отъ язычества. Въ самомъ дѣлѣ, христіане въ своей символику перенесли много элементовъ языческой мифологии. Многіе саркофаги въ Латеранскомъ музеѣ кажутся чисто-языческими. Іонъ Патеръ, а за нимъ П. Муратовъ, въ своей книгѣ объ Италіи, говорятъ объ *anima naturaliter christiana*. Тутъ, несомнѣнно, невидимое признается за несуществующее. Раздѣляющій мечъ Благой Вѣсти прошелъ до самаго сердца міроваго, до самаго корня человѣческой исторіи, и все, что мы видимъ въ катакомбахъ,—уже принципиально новое, другое, выросшее изъ иныхъ корней. Для того, чтобы измѣрить невидимую пропасть мистическаго раздѣленія, достаточно прочесть Исновѣдь бл. Августина. Онъ прошелъ весь путь, отъ одного края, языческаго, къ другому краю, христіанскому,—и путь этотъ необычайно длинный, мучительный, душевно-окровавленный. То, что у бл. Авгу-

стина тянется долгіе годы, и то, что оны запечатлѣль съ геніальностью, передъ которой Исповѣдь Руссо кажется болтовнею, а Исповѣдь Толстого—неясными стонами глухонѣмого,—то въ раскаленной атмосферѣ первохристіанства происходило мгновенно, молніебно, но при этомъ „субстанція“ обращенія совершенно тождественна и неизмѣнна. Тамъ—длительно, тутъ—„однимъ духомъ“, но въ обоихъ случаяхъ переходилась всемірно-историческая бездна.

И все же христіане любили цвѣты, любили рокоть волнъ и дѣтскія игры (Октавій). Мнѣ вспомнилась пропизанная печалью красота Кампаньи. Съ зеленыхъ кургановъ Гораціевъ и Куриціевъ на Аппіевой дорогѣ, въ просвѣтъ между гигантскими пиніями и кипарисами, такимъ воздушнымъ, такимъ нездѣшнымъ видѣніемъ распластались нѣжно-волнистыя доли. Бѣгуція арки далекаго акведука Клавдія кажутся очень странно выросшими изъ этихъ луговъ, усѣянныхъ стадами бѣлыхъ овецъ, а не созданіемъ рукъ человѣческихъ. Темно-зеленые тускуланскіе холмы, албанскія горы съ Monte Savo, точно въ божественномъ ожерельѣ, соединяются съ прозрачностью аметистовыхъ Аbruццѣ. Дальше, бѣгутъ и пропадаютъ въ живой безпредѣльности какія-то невѣдомыя мѣ горы. А надъ всѣмъ—медленно, важно, торжественно плывутъ облака, и кажется, что божественная Десница ежемгновенно изъ небытія вызываетъ ихъ сверкающую бѣлизну. Неужели эту красоту христіане оставили во власти язычниковъ? Нѣтъ, они забрали ее и унесли съ собою въ катакомбы. Вотъ тогда язычники могли обвинять ихъ не въ государственномъ только, а въ міровомъ „преступленіи“. Христіане „ограбили“ міръ. Все, что преобразенно расцвѣтало передъ новымъ благодатно-родившимся зрѣніемъ христіанъ,—все это отцвѣтало передъ засорившимся, оскудѣвшимъ зрѣніемъ язычниковъ. Жизнь однихъ была смертью другихъ, и, какъ только началось таинственное передвиженіе міровой стрѣлки, сначала въ подземныя катакомбы, а затѣмъ—еще дальше, въ умопостигаемыя катакомбы христіанскаго подвига, въ духовную Фиваиду, возставшую на Востокъ,—язычники съ ужасомъ возвѣстили смерть великаго Пана, дѣйствительно и реально въ нихъ происшедшую. Христіане же произвели невидимую жатву на заброшенной язычниками нивѣ, собрали въ снопы всѣ пестъѣден-

ные червями колосья и понесли ихъ подъ землю, къ самымъ истокамъ творящихъ силъ, и скоро уже въ самыхъ катакомбахъ появились первые ростки новаго искусства и новое постиженіе красоты міра. Да, христіане „любили цвѣты“, но любовью новой, невѣдомой античному міру, любовью пеллощающей и преображающей, и, когда пришли времена, христіанство породило новую эпоху въ исторіи искусства, сначала базилики, затѣмъ мозаики, а затѣмъ Данте и чудеса ранняго итальянскаго Возрожденія...

А монахъ все шелъ впереди и передъ нами смыкались и размыкались все новыя переплетенія узкихъ земляныхъ сводовъ съ неожиданными блестками слюды или мозаичнаго креста. Я не слушалъ объясненій. Мнѣ просто радостно было ощущать тайну первохристіанства, и всѣ живописные и скульптурные знаки первохристіанскаго душевнаго status'a были понятны сами собою. Обычнымъ посѣтителемъ доступна лишь самая небольшая часть катакомбъ св. Каллиста, но и по ней мы ходили очень долго. Разъ встрѣтились съ группою иностранцевъ, насъ опередившихъ. Отталкивающее, хитрое лицо „сиды“, говорившаго по-англійски, и дружный смѣхъ длиннозубыхъ „леди“ и умитанскихъ „джентльменовъ“ поразили насъ, какъ неожиданный ударъ кнутомъ. Но уже скоро кончились темные переходы, и мы вышли въ маленькую базилику свв. Сикста и Цециліи, освѣщенную прорубленнымъ окномъ сверху. Здѣсь странно поражаетъ присутствіе мраморнаго бюста, вдѣланнаго въ стѣну, котораго я не замѣтилъ при спускѣ въ катакомбы. Подъ нимъ мраморная доска съ надписью: *Iohanni Baptistae di Rossi, quo duci christiana vetustas in novum decus effluit... cultores martyrum et sacrae antiquitatis magistro optimo MDCCCXCII*. Передъ этимъ мраморнымъ ликомъ стоитъ остановиться, чтобъ сотворить мысленно хвалу гению христіанской науки, великому, неутомимому созидателю современной христіанской археологіи. Когда знакомишься съ обликомъ де-Росси, съ его жизнью, которая отождествилась для него съ жизнью создаваемой имъ дисциплины,—то невольно поражаетъ его крупнымъ размѣромъ. Въ Джіованни Баттиста де-Росси чувствуется печать избранничества, высокая, рѣдкая призванность къ своему дѣлу. Воспитанный въ строгой религіозности, онъ съ самаго дѣтства обна-

ружиль яркую устремленность къ христіанскимъ древностямъ. Какъ только онъ освоился съ языками греческимъ и латинскимъ, его любимымъ занятіемъ сдѣлалось чтеніе древнихъ документовъ, особенно житій святыхъ первыхъ вѣковъ. Восемнадцатилѣтнимъ юношей онъ имѣлъ въ Ватиканѣ характерную встрѣчу. Приведенный отцомъ, котораго онъ долженъ былъ подождать, и вмѣсто того, чтобы сидѣть въ приемной, онъ вышелъ въ *Galleria lapidaria*, стѣны которой покрыты огромнымъ количествомъ греческихъ и римскихъ надписей, и увлекся ихъ чтеніемъ. Въ то время какъ онъ копировалъ ихъ, его взялъ за плечо осапистый кардиналъ и, спросивъ его, что онъ тутъ дѣлаетъ, прямо попросилъ его читать надпись, передъ которой они стояли. Юноша безъ смущенія сталъ читать и только въ одномъ мѣстѣ сказалъ, что прочесть невозможно. Кардиналъ подошелъ ближе и увидѣлъ, что прочесть дѣйствительно невозможно. Это былъ знаменитый Анджело Майі, названный Леонарди *italo arditio*, глубокой знатокъ античности и счастливый угадчикъ славнаго въ филологіи палимпсеста Цицероновой Республики. Съ этой случайной встрѣчи началась дружба молодого де-Росси съ кардиналомъ-ученымъ.

Такой же случайной встрѣчѣ онъ обязанъ своимъ окончательнымъ вступленіемъ въ катакомбы. Повинуясь отцу, въ Университетѣ онъ изучалъ юридическія науки, но только всего себя посвящалъ христіанскихъ древностямъ. Онъ ходилъ по старымъ римскимъ церквамъ, по Кампаньѣ, и вездѣ со страстью собиралъ древнія надписи. Друзья острили надъ нимъ, что онъ гоняется за „камнями“. Входъ въ катакомбы былъ настрого воспрещенъ ему отцомъ, ибо о катакомбахъ тогда ходили по Риму странныя и страшныя легенды. Открытыя и изученныя Бозіо въ XVII вѣкѣ, катакомбы пришли въ полное забвеніе въ теченіе XVIII вѣка. Вокругъ де-Росси говорили, что катакомбы непредѣльны и имѣютъ выходъ къ морю, что въ нихъ скрываются самые ужасные злодѣи, что въ нихъ заблудшись погибла заживо погребенная цѣлая компанія смѣльчаковъ. Около Сантъ-Аньезе на Номентанской дорогѣ былъ извѣстенъ тогда маленькій ипогей, изученіемъ котораго былъ занятъ о. Марки. Въ день, когда въ немъ происходило богослужебное поминовеніе памяти мучениковъ, де-Росси отдѣлился отъ толпы, углубился

въ корридорѣ и сталъ усердно копировать находящіеся тамъ надписи. О. Марки наткнувшись на него и поразившись его страннымъ видомъ, спросилъ, для чего онъ это дѣлаетъ. Двадцатилѣтній де-Росси просто отвѣтилъ: „Для изданія полнаго собранія всѣхъ христіанскихъ надписей“. Ученый монахъ засмѣялся „наивности“ молодого человѣка, но когда привелъ его къ себѣ, когда поразспросилъ о его планахъ, когда увидалъ груды эпиграфическихъ матеріаловъ, расклассифицированныхъ съ той строгой научностью метода, которая потомъ составила всѣмъ признанное достоинство монументальныхъ эпиграфическихъ изданій де-Росси,—то былъ чрезвычайно и восторженно удивленъ, сдѣлать де-Росси своимъ сотрудникомъ, а черезъ 15 лѣтъ скромно уступилъ гениальному изслѣдователю изданіе безсмертнаго *Roma sottoganea*, которое было предпринято съ согласія Пія IX на средства католической церкви. Но о. Марки оказалъ де-Росси еще ббльшую услугу. Онъ уговорилъ отца снять свое запрещеніе, дозволить юношѣ доступъ въ катакомбы, и скоро юный ученый, вооруженный глубочайшимъ знаніемъ не только древне-христіанской и святоотеческой, но и всей средневѣковой литературы, сталъ „обхаживать“ Аппіеву дорогу, съ опредѣленной цѣлью не просто найти какія-то катакомбы, а отыскать древнюю усыпальницу римскихъ епископовъ эпохи гоненій. Такая опредѣленность была настолько интуитивной и творческой, что даже о. Марки считалъ это юношескими бреднями. Но де-Росси, въ первый разъ сошедшій въ катакомбы въ 1842 г., не оставлялъ своей мысли, съ упорствомъ и внутренней увѣренностью генія. Ученый бенедиктинецъ Геранже былъ свидѣтелемъ страннаго вдохновенія де-Росси. Въ 1850 г. де-Росси повелъ его осматривать катакомбы Аппіевой дороги. Въ одномъ мѣстѣ онъ вдругъ остановился и указывая пальцемъ на какія-то темныя массы земли, голосомъ вдохновеннымъ и потрясеннымъ (*con voce enfatica e commossa*) воскликнулъ, что именно здѣсь покоятся тѣла первыхъ римскихъ епископовъ и тѣло св. Цециліи. Это было настолько неожиданно, что Геранже перепугался, подумавъ, что де-Росси сошелъ съ ума, и сталъ убѣждать его успокоиться. Когда начались раскопки, вдохновенная, почти мистическая интуиція де-Росси въ точности оправдалась, о чемъ самъ Геранже засвидѣтельствовалъ въ новомъ

изданіи своей работы о мученичествѣ св. Цециліи. Съ этого времени начинаются триумфы христіанской археологіи. Болѣе полувѣка трудится де-Росси, посвящая каждый день, каждую минуту своей жизни развитію и укрѣпленію вызванной имъ почти что изъ небытія новой дисциплины. Христіанская эпитафическая живопись, скульптура и архитектура первохристіанства, миниатюры мозаики и *arte cosmatasta*, огромнѣйшія пространства катакомбъ—все возстаетъ изъ историческаго забвенія и возстановляется въ памяти человѣчества. У де-Росси хватаетъ еще энергіи создавать топографію древняго Рима, реконструировать всю „монументальную“ исторію Рима, отъ хижины албанскихъ пастуховъ вплоть до стѣн Авреліана и Проба, воспитывать вокругъ себя славную школу археологовъ и историковъ, наконецъ устраивать великолѣпный музей христіанскихъ древностей въ Латеранскомъ Палаццо.

Въ обликѣ де-Росси есть еще одна черта, которая по-особому высвѣтляетъ его научное величіе. Основной замысль его—глубже и больше науки. Его паѳосомъ было возвратити катакомбы Церкви и возвратити не въ археологическомъ только смыслѣ, но и въ религіозномъ. И, казалось, въ началѣ эта мечта была близка къ осуществленію въ какихъ-то огромныхъ, всемірно-историческихъ размѣрахъ. Де-Росси началъ свои великія открытія съ благословенія папы. Ему не только отпускались суммы и щедрая матеріальная поддержка. Когда была раскопана усыпальница мучениковъ-папъ первыхъ вѣковъ—на всѣхъ надписяхъ они зовутся просто епископамъ, — весь католическій Римъ былъ живо взволнованъ этимъ чрезвычайнымъ событіемъ. Откопаны живые и святые корни, отъ которыхъ оторвалось папство, сначала тайно и мистически, въ отдѣленіи отъ единства Вселенской Церкви въ XI вѣкѣ, а затѣмъ явно и исторически, въ эпоху Возрожденія, начавшагося для католичества 70-лѣтнимъ „Вавилонскимъ плѣненіемъ“ въ Авиньонѣ, и снова открылась передъ католичествомъ возможность покаяться въ своихъ историческихъ грѣхахъ, и тѣмъ вернуться къ единству церковному съ православнымъ Востокомъ. Тогда произошло знаменательное событіе, запечатлѣнное въ барельефѣ и такъ передаваемое Марукки, который слышалъ его изъ устъ самого де-Росси:

„11-го мая 1854 года старая Аппіева дорога увидела необычное зрѣлище. Длинная вереница кардинальскихъ и епископскихъ каретъ двигалась въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ, направляясь къ мѣсту, недавно приобретенному апостолическимъ правительствомъ. Среди развалинъ античныхъ гробницъ сходилъ Пій IX, окруженный своимъ дворомъ и археологической комиссіей, для того, чтобы увидѣть новыя открытія въ катакомбахъ. Всѣ спустившіяся въ эти святныя пространства, вновь обрѣтенныя послѣ столькихъ вѣковъ заброшенности,—были объяты волненіемъ. Въ то время какъ де-Росси дрожащимъ голосомъ возстановлялъ передъ Піемъ IX мраморные фрагменты надписей Антера, Фабіана, Люція, Евтихіана, папа не могъ удержаться отъ слезъ и въ растроганности поцѣловалъ надгробные эпитафы своихъ славныхъ предшественниковъ. Это было торжественнымъ моментомъ, и великій археологъ никогда, до самыхъ послѣднихъ дней жизни своей, не могъ вспомнить объ немъ безъ живого волненія“. И мы читаемъ съ волненіемъ объ этомъ событіи; только волненіе наше совсемъ другое. Мы думаемъ: Какая великая возможность приблизилась къ католичеству и какъ безсильно погасла. Пій IX сошелъ въ катакомбы, зацѣкалъ и... вышелъ. Вѣдь въ то время какъ де-Росси безъ перерыва дѣлалъ свои открытія и обнажалъ все съ большей ясностью святое прошлое римскаго христіанства—въ это время въ Римѣ шли дѣятельныя приготовленія къ Ватиканскому собору, на которомъ должны были въ догматъ возвести основной грѣхъ католичества. Съ одушевленіемъ католика Марукки можетъ рассказывать о „сошествіи Пія IX въ катакомбы“, совершенно не замѣчая трагической стороны этого событія. Откуда эти „столько вѣковъ заброшенности“? Почему геній археолога долженъ былъ открыть Риму его святини? Развѣ мыслимо у насъ, на Востокѣ, чтобы археологъ открывалъ мощи пр. Серафима или гробницу пр. Сергія? Отвѣтъ ясенъ: археологъ понадобился потому, что потомство забыло свои святини, исторически оторвалось отъ ихъ питающихъ корней. Отрывъ нагляденъ и очевиденъ. Катакомбы забылись папствомъ не потому, что были нашествія и завоеванія, которыя бы оправдали внѣшними соображеніями оставленность катакомбъ. Нѣтъ, Римомъ владѣли папы съ полнотою свѣтской власти и катакомбы поэтому были всегда

въ ихъ распоряженіи. Катакомбы забыты были папствомъ съ такою же внутренней неоправданностью, съ какою послѣ Авіньонскіе папы оставили древній, заслуженный передъ церковью Латеранъ и переселились въ совершенно новый без-традиціонный Ватиканъ, или, еще лучше, съ тѣмъ же релігіознымъ вандализмомъ, съ которымъ папы „высокаго“ Возрожденія ломали древнюю Константиновскую базилику св. Петра, полную чудесъ христіанекаго искусства Среднихъ Вѣковъ, для того, чтобы замѣнить его пышнымъ, холоднымъ, бездушно-грандіознымъ и нехристіанскимъ современнымъ соборомъ San Pietro.

И все же, я думаю, открытіе катакомбъ—не только археологическій фактъ для католичества. Если онъ не принять во всемъ объемѣ своего релігіознаго значенія, то можно съ радостью сказать, что онъ не прошелъ и совсѣмъ безслѣдно. Открытіе и изученіе катакомбъ было незамѣнимой школой честнаго историческаго изслѣдованія, стадіемъ, въ которомъ окрѣпла и сформировалась возродившаяся въ католичествѣ за XIX-й вѣкъ интеллектуальная совѣстливость, подавленная иезуитизмомъ. Въ современномъ католичествѣ существуетъ типъ свободного и внутренне убѣжденнаго ученаго—существуетъ мысль существенно христіанская и существенно независимая отъ Ватикана. Эксцессы осужденнаго модернизма не могутъ убить это внутренне-освобождающее теченіе въ католичествѣ, и оно не можетъ въ свое время не принести благого плода. И сильный толчокъ это теченіе получило изъ катакомбъ...

В. Эрнъ.
